

Сборник

Два ангела на плечах

О прозе Петра Алешкина

Коллектив авторов

**Два ангела на плечах.
О прозе Петра Алешкина**

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Два ангела на плечах. О прозе Петра Алешкина / Коллектив авторов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834522-7

В сборник избранных критических произведений о прозе Петра Алешкина включены две книги: «Тропа тамбовского волка» Петра Кошеля и «Душа нежна» Ирины Шевелевой, несколько статей из книги Валерия Куклина «Русская трагедия глазами русских писателей», статьи Николая Наседкина и других писателей, а также некоторые отклики читателей на произведения Алешкина. На фото на обложке Николай Наседкин и Петр Алешкин.

ISBN 978-5-44-834522-7

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Книга Петра Кошеля «Тропа тамбовского волка»	6
Тропа тамбовского волка	7
О жизни и творчестве Петра Алешкина	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Два ангела на плечах О прозе Петра Алешкина

Составитель Петр Алёшкин

ISBN 978-5-4483-4522-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Петра Кошеля «Тропа тамбовского волка»

Петр
Алешкин
Всё
впереди

Тропа тамбовского волка

О жизни и творчестве Петра Алешкина

Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание – моя жизнь.

В. Розанов

Пристроившись на краешке стола, он тщательно выводил на конверте адрес редакции «Комсомольской правды».

Как обычно, в интернатской комнате стоял галдеж. Кто-то из одноклассников заглянул ему за плечо:

– Братцы, Петька в Москву письмо пишет!

Тотчас его окружили и, прыгая вокруг, пытались выхватить конверт.

Он вырвался, выскочил на улицу. За ним бежали. Влетел в стоявший на пути девчоночий туалет, бросил конверт в яму.

В том конверте был самый первый его рассказ. Девятиклассник Петька Алешкин хотел стать писателем, и больше всего боялся, что об этом узнают скорые на подначку дружки.

Бог весть, откуда в пареньке из тамбовской деревни взялась эта страсть к сочинительству. В деревне Масловке, где он родился, и света-то не было: сидели при керосиновой лампе. Отец окончил два класса, а мать и вовсе читать не умела.

Семья жила, как и все в деревне, трудно. Отец пришел с фронта и вскоре умер. Пете было 10 лет. Мать одна поднимала пятерых детей.

Он был слабосильным, маленького роста. Но в обиду себя не давал. И планы вынашивал громадные. Было в нем какое-то ожесточенное упорство, оно потом с годами только крепло. Решил к двадцати годам стать знаменитым. Понимая, что какой-то мелочью не прославиться, сразу стал писать трехтомную эпопею. Было ему тогда девять лет. Чувствовал, что его ночные сидения при керосиновой лампе покажутся странным занятием в приземленной деревенской жизни, и боялся, как бы не назвали придурком.

В 1966 году Петр Алешкин закончил школу. Ехать в столицы не помышлял: навряд ли в столичный вуз поступишь, да и на какие шиши там жить?

Поехал в ближнюю столицу – Тамбовский пединститут, литфак. Не прошел. Но особенно не горевал, работал в колхозе, а вечерами писал, много читал.

Он понимал, что писателю нужен жизненный опыт, а тут как раз и газеты, и радио призывали набираться этого самого опыта, завлекая романтикой целинных степей и северных болот. Помните? – «Под крылом самолета о чем-то поет...».

Алешкин по комсомольской путевке уехал строить газопровод «Средняя Азия – Центр». И можно себе представить, каково там пришлось деревенскому пареньку, только в семнадцать лет увидевшему телевизор и двухэтажный дом.

Потом Александров Гай в Саратовской области: изолировщик на компрессорных станциях. В восемнадцать он стал бригадиром.

На Тамбовщине Алешкин окончил ПТУ, получил специальность каменщика и ушел в армию. Служил в Ровно. Оттуда в нем начался интерес к украинской и вообще к славянской культуре. После армии – опять домой. Он устроился шофером в райцентре Уварово. Поступил на заочное отделение Тамбовского пединститута, и уехал в Харьков. А там уж, в этом первом огромном для него городе, помотало его вдоволь: кровельщик в мехколонне, плотник-паркетчик домкомбината, слесарь-сборщик ХТЗ – знаменитого харьковского тракторного.

А на тракторном заводе было литобъединение.

Что такое лито – теперь объяснить довольно трудно. Литобъединения просто вымерли. Но для нашего поколения это было все – первые друзья, дышавшие тем же, что и ты, литературные споры с ними за дешевым вином до полуночи, открытия и потери, безумная вера в свой талант, и назавтра – ощущение своей полной никчемности. Там были свои гении и свои графоманы, свои красавицы и свои сумасшедшие...

Но самое главное – ты как бы проверялся на прочность. Суровой критики лито не было ничего. И когда тебя называли графоманом, ты мог хоть на ушах стоять, но графоманом и оставался. А люди там были самые разные. Я помню, например, в своем лито сидящих рядом председателя горторга и хиппи с серьгой в ухе. Оба – поэты. И предгорторга, как поэт, был поинтересней.

Харьков – город непростой. Он ведь не украинский, и не русский, и не еврейский. Хотя все это в нем есть.

Харьковское литобъединение вел местный писатель Г. М. Гельфандбейн. Уже пожилой, с учтивыми манерами, он входил в зальчик дома культуры, садился, благожелательно оглядывая домохозяек, студентов, пенсионеров и слесаря Алешкина.

А слесарь Алешкин в ту пору влюбился и стал писать стихи. Жил он в заводском общежитии, где не особо-то попишешь, и поэтому все свободное время проводил в читальном зале заводской библиотеки.

Библиотека была прекрасная: просторная, светлая. Пожилые библиотекари радовались, видя молодые лица, а уж Алешкина они просто обожали. Юноша вгрызался в классику. Открыл для себя Бунина, увлекся рассказом. Собственно, его первая книга была написана там, в этой библиотеке.

В литобъединении постепенно складывался костяк: все больше появлялось ребят, так же одержимых литературой. После занятий бродили по городу, читали стихи, продолжали спорить. Сам Петр Алешкин об этой поре вспоминал:

«Мы были друзьями, но как мы были безжалостны к неудачным рассказам друг друга, и как радовались удачам!»

Помнится, Славик Еремкин так разделал один из моих рассказов, критиковали его и другие, но он был особенно насмешлив и жесток, говорил такие слова, что я потом всю ночь не спал, лежал в лихорадке, всю ночь спорил про себя со Славиком, доказывал ему, что он не понял меня, что рассказ не так плох.

Вероятно, и после моих разборов некоторым моим друзьям тоже не спалось. Но тем не менее такая критика нас не разъединяла: у меня после разгрома всегда было страстное желание написать сильную вещь, доказать, что рассказ, который разбили, моя временная неудача. Я писал, приносил, читал, слушал похвалу, с удовольствием писал другой, считал его удачным, думал – опять похвалят, но его разбивали так, что стыдно было находиться в студии».

О студии заговорили. В Харькове, да и на Украине пошла молва о молодых способных ребятах. А поскольку Харьков город рабочий, тут и ЦК Компартии Украины заинтересовался. И однажды на занятии литстудии оказался даже заведомо культуры ЦК. Алешкин читал свой новый рассказ «Шутов палец». Киевский начальник был очень доволен: признался, что не ожидал такого уровня.

Не замедлил сказаться результат этого вечера: в Харькове в 1976 году вышел коллективный сборник «Солнечные зажинки». В нем была первая публикация Петра Алешкина – повесть «Рачонок, Кондрашин и др.».

Успех, как водится, окрылил молодого автора: он собрал рассказы, повесть и отправил в Киев, в молодежное издательство. Ответ пришел на удивление быстро. Рассказы отвергались, но повесть будут издавать. Эта первая книга называлась «Все впереди». В откликах и рецен-

зиях в основном упиралось на то, что ее написал молодой рабочий. Да, теперь видно, что повесть слабовата, но в ней чувствуется свой отчетливый голос.

Вторая книга, рассказов, «Там, где солнечные дни» вышла в 1980 году в Харькове, когда автора там уже не было, а было строительство железной дороги Сургут – Уренгой и, наконец, Москва.

Если первая книга писалась в заводском читальном зале, то вторая в сибирском общежитии. Стола не было. Автор сидел в холодной комнате на кровати, в куфайке и ватных штанах, зажав коленями тумбочку. Застывала паста в шариковой ручке.

Рядом пили дешевый портвейн и дрались.

Иногда шел к местному пьянице-поэту Федоровичу, пятидесятилетнему хромому бывшему офицеру, отмотавшему по лагерям три срока. Тот жил в бараке, у двери обычно лежал верный друг Федоровича, тоже хромой, кобель Воруй-Нога. Федорович, хватанувший одеколону, все более заводясь, читал стихи. Алешкин и Воруй-Нога слушали.

У Федоровича в Москве была дочь, замужем за полковником. Как он говорил о ней, как плакал! Уже потом, после смерти Федоровича, Алешкин нашел ее в Москве, стал рассказывать об отце... Она только пожала плечами.

У него уже был диплом Тамбовского пединститута и он учился на заочном сценарном во ВГИКе.

Кинодраматурга, впрочем, из Алешкина не получилось. Вписаться в московскую киношную тусовку непросто. Его киносценарии и заявки отвергались. Он писал новые – и снова отказы. И вдруг – удача! Алешкин написал по повести украинского писателя В. Кучмия заявку на спортивный фильм. Киностудия «Мосфильм» проявила интерес, нашелся и режиссер. На встречу с ним Алешкин шел с трепетом. Никогда живых режиссеров не видел. Лишь слышал об их жутком характере. Знакомая по ВГИКу рассказывала, как она после каждой встречи с режиссером «гремела» в больницу с нервным истощением – 11 раз!

Характер у режиссера действительно был жуткий, но кое-как поладили. Впрочем, когда сели за сценарий в киношном доме творчества в Матвеевском, скорую помощь пришлось вызывать. Режиссера свалил инфаркт. Так ничем все и кончилось.

Алешкин толкнулся еще пару раз в двери киностудий и понял: нет, не его это дело! Деликатесная черная икра киноискусства ему не светила. Впереди ждал черный, зачастую горький хлеб русского писателя.

Вторая книга, выстраданная в сибирском общежитии, была уже по-настоящему хорошей прозой.

Как известно, писатели рождаются в провинции, а умирают в Москве. Но – «Москва слезам не верит», «Москва бьет с носка» и т. д. Без прописки в Москве на работу не брали, без работы не прописывали.

Они сидели с Таней весной 1979 в крошечной комнатухе подмосковного женского общежития и не знали, что же им делать дальше.

Таня была тоже из Масловки, московская заводская лимита.

И вдруг ее как озарило! Она взяла свой и Петин паспорт, положила их рядом на подоконнике. Раскрыла свой, разогнула скрепки и вынула листочки с ее общежитской пропиской. Потом таким же образом вставила листочки в его паспорт, согнула скрепки.

Как ни странно, в московской конторе, куда Алешкин пришел наниматься плотником, подлога никто не заметил.

И только Таня, меняя вечером паспортные листки, ахнула: паспорт у Алешкина был харьковский, украинский, а он толще российского – номера страничек не совпадали! Бог помог! – подумала она.

В этой крохотной комнатке женского общежития он написал свою третью книгу. Стола не было, он бы туда не влез. Писал, лежа на кровати, подложив подушку. Когда уставал, брал гитару:

Кто мне сказал, что во мгле заметенной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

Назвал книгу «Тихие дни осени» и отнес в молодежную редакцию издательства «Современник». Когда ее вернули с отрицательной рецензией, он вынул рецензию из папки и отдал рукопись в соседнюю комнату – в редакцию прозы. Там сначала брать не хотели: молод, не член Союза писателей. Но узнав, что у автора уже есть книги, с неохотой взяли. Незнакомых молодых авторов в издательствах не любили. Рецензировали два раза. И обе рецензии были весьма положительными.

Книга вышла, и это уже был заметный успех!

Начали печатать московские журналы. Алешкин вдруг получает телеграмму из журнала «Знамя» с просьбой зайти к ним в редакцию прозы. Дело в том, что рукопись новой книги он отнес в издательство «Московский рабочий», где ее отдали на рецензию завпрозой Наталье Ивановой. Той понравилась повесть «В новом доме» и ее решили опубликовать в журнале. Впервые столкнулся Алешкин с настоящими московскими редакторами-профессионалами. Когда он увидел свою повесть правленной, в глазах помутнело. Она была вся исчеркана. Перебирая страницу за страницей, он убеждался, что редакторы правы! Как далеко было еще до совершенства.

И вот – чудо! Он становится своим среди этого высоколобного таинственного ордена редакторов. Его берут с улицы, по конкурсу, в издательство «Молодая гвардия». Это был 1982 год. А спустя два года за придуманную им книгу Алешкина награждают Серебряной медалью ВДНХ, а еще через год он становится заведующим редакцией.

Работа была интересной, азартной. Алешкин и сам заводился, и заводил других. Постепенно вся авторская молодежь перетекала из редакции «по работе с молодыми» к Алешкину. Там было интереснее, там клокотала жизнь, то и дело возникали идеи новых книг.

Не всем это пришлось по нраву. «Слишком много на себя берет», – ворчали те, кто ничего сам придумать не мог. Исходили желчью завистники, пошли всякие придирки, пакости. Многого он тогда не понимал. В аппаратной игре был не силен. Потом, уже спустя годы, ему рассказали, как он встал кое-кому поперек горла...

Алешкин уходит из издательства. Это был смелый шаг, но ведь хотелось писать свое! Сколько тем и замыслов лежало в ящике наконец-то обретенного стола! И – за уже сделанное, и как аванс на будущее его принимают в Союз писателей.

Эти годы, 1988—1989, были для Петра Алешкина самыми плодотворными. Он закончил романы «Заросли», «Трясина», первую книгу романа «Время великой скорби», написал несколько повестей и рассказов.

Теперь часто приходится слышать, что рассказ оскудевает и для «малой формы» наступили тяжелые времена. Распространяется убеждение о главенствующей роли в литературе эпических крупных форм. Считается, что рассказ, даже отличный, все же уступает по своему значению и весу роману. Но вспомним, что в русской литературе XIX века, где есть великий роман, рассказ никогда не занимал подчиненного положения, определившись сразу как самостоятельная ценность.

Иногда мне кажется, что рассказы Алешкина есть не что иное, как спрессованные мастерской силой его искусства романы.

Это видится даже в ранних рассказах.

Рассказ «Прости меня», написанный еще в 1974 году.

Рассказ полифоничен. Одни и те же события видятся по-своему разными героями. Думаю, в то время, Алешкин, смутно ощущая свое одиночество, перенес его на персонажей рассказа. Все они чудовищно одиноки. Одинок студент Алеша, по-своему мучается в своем одиночестве блатной Паня и, что самое удивительное, одинока, казалось бы, счастливая Люба.

Убога жизнь этих людей. Убоги их радости. Алешкин рисует не столько портрет человека, сколько портрет времени. Плохой человек убивает хорошего. Но все это в контексте социалистической эпохи. Недаром этот рассказ напечатали только в 1992 году.

Я сейчас не буду говорить о языке, хотя, например, из одного лишь первого абзаца уже полностью виден человек, его характер, да и, пожалуй, сама его жизнь: это застенчивый, мечтательный молодой человек, живущий в ожидании чуда:

«В двери читального зала Алеша столкнулся с входившим парнем. Тот буркнул что-то невнятное. Алеше послышалось „цыц, прыщ!“, но было похоже и на „Прошу прощения“. Алеша неловко уступил дорогу, открывалась лишь одна половинка двери, и извинился. Потом медленно спустился по ступеням и побрел мимо высоких окон читального зала».

Творческий метод Алешкина с его тщательной проработкой подробностей и деталей именно потому и оказывается далеким от натуралистической манеры изображения жизни, что за каждой такой деталью и подробностью перед нами вырисовываются характеры людей, смысл событий, а за ними – та самая «общая идея».

Обратимся к одному из последних рассказов Алешкина – «Лагерная учительница», опубликованному в журнале «Октябрь».

По своей лирической тональности, душевной теплоте и таланту он, как мне кажется, приближается к последним рассказам Юрия Казакова – «Свечечка» и «Во сне ты горько плакал».

Рассказ начинается просто, обыденно, даже приземленно.

«Был декабрь. Постоянной работы в колхозе не было. И я два раза в неделю вместе с тремя мужиками и трактористом возил солому с полей коровам на корм. Утром, часов в девять, мы собирались в теплушке на ферме, резались в карты в дурачка до одиннадцати, а потом ехали в поле на тракторе. Сгорбившись, подняв воротники от холода, сидели мы на больших тракторных санях, срубленных специально для перевозки соломы. Снежная пыль от гусениц осыпала нас всю дорогу. Мы останавливались возле омета, вокруг которого весь снег был испещрен заячьими следами, накладывали воз. Потом, если погода была солнечная, не мело, делали в омете конуру и снова начинали играть в карты, пока низкое солнце не коснется горизонта. Возвращались всегда затемно».

А между тем, это щемящая история о трагической любви. О любви, которую человек сохранил на всю жизнь.

По недоразумению, девятнадцатилетний парень осужден и попадает в колонию. Он пишет стихи, а в лагерном клубе среди разных кружков – и литературный. С удивлением встречает там наш герой Белый своего лагерного бригадира, уголовника со стажем.

«Калган писал о пиратах, о капитане Флинте. В главе романа, которую он читал, мелькали красивые названия: Бискайский залив, Карибское море, Сарагоса, Бильбао. Он читал, а я видел перед собой не лысого мужика со вспотевшим лбом и ноздреватым носом, а романтического мальчишку, мечтающего о дальних землях и морях, где он непременно побывает, когда вырастет, не подозревающего, что вся его жизнь пройдет в лагерях, а каравеллы и пальмы он каждую неделю будет видеть только в бане, выколотыми у себя на животе».

Кружок ведет учительница Ирина Ивановна. Ее первое появление Белый не забудет уже никогда в жизни:

«Мы повернулись к двери и молча стали смотреть сквозь стеллажи, как невысокого роста женщина, стоя спиной к нам, снимает коричневую искусственную шубку, вешает на гвоздь,

снимает белую пуховую шаль, встряхивает иссиня-черными густыми волосами до плеч, проводит несколько раз по ним расческой, поворачивается и с улыбкой идет к нам меж стеллажей, чуточку развернув одно плечо вперед, чтобы не задеть книги на полках. Не помню, какой я рисовал себе перед встречей эту лагерную учительницу литературы.

Помню, что не такой! Мне показалось, что к нам приближается индианка или персиянка, так смугла она была. Чуть пухловатое, смугло-темное лицо ее озарялось блеском зубов. Сильно заметен был синевато-фиолетовый пушок над верхней губой, сгущавшийся к уголкам припухших губ. Глядела она, приближаясь, на меня. Я, не отрывая взгляда от ее персидского лица, стал почему-то подниматься ей навстречу».

Ирина Ивановна два года назад приехала к своему мужу-зеку, устроилась учительницей в колонию, чтобы быть к нему поближе. Но того убило сорвавшейся балкой. А она осталась.

Вообще, выбор сюжетов рассказов Алешкина может подавить своей суровой прямолинейной направленностью. Сами же эти создания писателя оказываются насыщенными большой лирико-драматической силой, чистотой нравственного чувства, заключенного в них, глубиной и значительностью высказанных идей. Здесь важно не только что, но и как это что воссоздается автором в художественной системе его произведений.

История любви одинокой несчастливой учительницы и тамбовского паренька очень чиста. Да, наверное, это тысячная история первой любви в русской литературе. Но она написана именно Алешкиным, и это видно сразу. Здесь почти нет лирических отступлений, но вдруг прорвется, и понятно, что от самого сердца:

«Я всегда любил людей, не абстрактное человечество, а конкретных людей, тех, с кем меня сталкивала жизнь, даже в лагере. И люди отвечали мне тем же. Конечно, бывало, и я невольно обижал близких, и меня обижали, получал и я неожиданные тумачи, но мне всегда казалось, что это от непонимания меня, моих поступков. Я никогда долго не сердился на обидчиков, не старался отомстить, верил: жизнь сама расставит все на свои места».

Истории о первой любви обычно кончаются грустно. Эта тоже не исключение. Вообще, вся наша жизнь грустна. И это в книгах Алешкина пробивается постоянно.

Ко многим его произведениям подходят слова Достоевского: «Невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: «Ну, что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?»

Алешкин хотел бы найти залог духовного обновления человечества в прекрасном, утвердить исконное стремление к правде и красоте. Но прекрасная мечта паренька Белого оказывается разрушенной. Было бы, однако, неправильным видеть смысл этого талантливого рассказа лишь в изображении гибнущих иллюзий. В рассказе есть положительное начало, оно заключается в утверждении подлинно человеческих качеств, которые, как бы трагически ни складывались судьбы, все-таки являются самым главным и ценным на земле. Подлинная красота – это красота душевная, говорит писатель.

Рассказы «Телушка» и «Половодье» – из ранних.

Видно, какое значение художественной детали придавал Алешкин уже тогда.

«В прокуренной теплушке было прохладно и по-осеннему сыро. Пыльная лампочка тускло освещала некрашенный с отбитым углом стол у окна, пол, доски которого не были видны из-за грязи, натасканной утром мужиками, печь-голландку с облупленным боком, старые плакаты, прибитые к стене гвоздями».

Характерное свойство детали у Алешкина, чрезвычайно важное для жанра рассказа, заключается в том, что она способна передать уму и сердцу гораздо больше, чем голая словесно-смысловая ткань фразы, выражающей эту деталь.

Сторож Тимошка мучается, когда наглый завфермой уводит ночью неучтенную телушку.

Он знает, что ему могут не поверить и что наверняка неприятностей наживет, но – решается на правду. Ибо правда – высшее состояние человека. Тимошка, конечно, этого объяснить не может. Но он это понимает всей своей жизнью.

Рассказ «Половодье» о прощании с отчим домом. Вроде бы ничего особенного не происходит. Деревенские ребята на речке раскалывают льдины, гоняют гусей. Но все это, обычное, для Мишки в последний раз. Семья уезжает. За призрачным счастьем, а на самом деле за такой же убогой жизнью. У Паустовского я как-то прочитал: «Ожидание счастливых дней бывает иногда гораздо лучше этих самих дней». Этот паводок не принесет чудес, он лишь повлечет семью за собой, мимо темных изб и грязных берегов.

«Возле калитки тарахтел трактор. На прицепе стоял шифоньер и были в беспорядке навалены узлы, стулья. Торчали ножки стола. В зеркале шифоньера отражались крыша избы, кусок неба и белые растрепанные облака.

Отец заколачивал окна. Изба от этого становилась чужой, нежилой, похожей на другие покинутые избы деревни». То, что людьми принято называть судьбою, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных ими глупостей.

Некоторые ранние рассказы, например «Случайная встреча», кажутся скомканными. Конечно, выручает общее лирическое настроение рассказа. И еще вдруг дохнувшая теплотой подмеченная художественная деталь, вроде – «я представил, как она поправляет одеяло в начале у сына, он поменьше, потом у дочери. Все матери делают это одинаково».

Рассказ «Славик Захаров» написан в 1972 году и явно перекликается с деревенскими рассказами Шукшина. Сельский шофер, «чудик», женится на городской, и никак эти два мира не могут состыковаться. И дело даже не в том, что она городская, просто она другая по восприятию мира, по отношению к жизни.

Давайте подумаем: а обаятельный лихой и сердечный парень Славик – прав ли он? Ну да, можно носиться с молодой женой на машине, можно не думать, чем кормить кур, можно пропивать зарплату. А можно, как молодая жена, вязать пуховые платки на продажу, торговать сахаром и, кстати, еще и лечить людей.

Славик Захаров ведь люмпенизированный человек. У Алешкина они часто встречаются. Потребность внимательно такого человека рассмотреть, понять и проанализировать стимулы его действий, психологию его поступков тесно связана с поисками социального, нравственного. Это потом с полнотой проявится в романах «Лимитчики», «Я – убийца».

А началось это, вероятно, с рассказа «Киселев». Русский характер... Основы души и поведения. Зубоскал и охальник плотник Киселев на поверку оказывается душевно тонким человеком.

Кстати, строгость формы – особая черта некоторых ранних рассказов Алешкина. «Киселев» полностью подпадает под это краткое определение новеллы, данное Гете: «Одно необычайное происшествие». Не чувствуешь у автора книжной выучки, – его художественный язык самобытен, вне книжной культуры 70-х. Хотя наверняка философски-нравственный фундамент творчества Петра Алешкина заложен именно в 70-х годах. Я думаю, Алешкин рано понял, что в прозе, как и в поэзии, где все очарование заключается нередко именно в характере воплощения образной мысли – переживания, – нельзя говорить, отвлекаясь от самой этой системы, дающей жизнь авторскому замыслу.

Еще один рассказ о несчастливой любви, написанный в 1982 году. «Милочка и гвоздодер». Но здесь нет той трагической ноты, звучавшей в «Славике Захарове», например.

Первая деревенская любовь Светы и Кости прекращена не трагическими обстоятельствами, не каким-то неожиданным случаем, даже не разностью характеров.

Старшая сестра Светы, ставшая певицей в областном городе, и повидавшая уже закулисную жизнь «искусства», размышляет вслух: «Вот ты про мать говорила, счастлива ли она? Да, таскала она свеклу из морозной земли, жарилась в поле, не имела вот такой квартиры, но она

счастливей меня, счастливей! Я вот над Костей твоим подсмеиваюсь, ты думаешь, потому что он плотник, работяга! На сцену не выпархивает, как я... А я, может, ему завидую! Ты вот оправдывать его начала, мол, в институт поступит. Да разве счастье в институте? Он и без института счастлив будет».

И действительно, честный положительный Костик оборачивается пресным и просто неинтересным человеком. Даже сразу не понимаешь, как и когда это произошло. Вот настоящее мастерство прозаика! И пускай бежит от Костика Света, если ей так уж хочется, «на стезю порока».

В конце рассказа понимаешь, что и любви никакой не было. Один шел по начертанной ему общественной системой дороге, по ее прямой и тоскливой колее. Другая шагнула за обочину, но по сути – это иллюзорность необычного пути, это все та же колея.

Сам Петр Алешкин постоянно колобродил по начертанному ему пути вдоль и поперек, пока наконец не пошел напрямик по зеленой траве свободы. И дело не в том, что он стал известным писателем, секретарем Союза писателей и лучшим издателем в России. Он стал самим собой. Он стал человеком, которому никто больше не навяжет свой путь.

Недаром, то ярче, то затухая, через все его творчество сквозит тема ухода. Та самая больная тема, к которой в конце жизни пришли Толстой и Чехов.

А теперь он оборачивается назад – там его родная Масловка, из которой Алешкин когда-то ушел. Он вернется туда обратно, но для этого нужно было пройти через унижения, предательства, нищету и деньги. Через любовь и ненависть. Через лицемерие лжедрузей. Он вернется туда своим – не советским барином как Абрамов и Проскурин, а кровным братом этих людей.

В искусстве, в литературе, как в жизни, ничто не может зародиться самопроизвольно – все растет из своей почвы, из своего корня. Если меня удивляет какое-нибудь полотно живописца, я хочу знать, что было сделано мастером раньше, как он учился, как он писал, прежде чем создал удивительное полотно. И если я сегодня не могу оторваться от иных страниц Алешкина, я спрашиваю себя: из каких зерен выросло его искусство?

Детские и юношеские впечатления во многом создают основу писательской личности.

В рассказе «Шутов палец» это хорошо видно. Опять звучит тема ухода, на этот раз ухода в свое детство, с пониманием невозможности это детство вернуть. Но «где бы я ни был, кем бы я ни стал, солнечные дни моего детства будут всегда со мной...»

Наверное внукам Арбата показалась бы дикой тоска по одноногому неграмотному инвалиду Саньке Туману.

Можно, конечно, любить арбатские переулки и с любовью всю жизнь вспоминать гуманитарный корпус МГУ, но чтобы любить черные весенние овраги с одинокими осинами – для этого нужно быть Алешкиным.

И еще, очень хорошая психологичная школа видна в рассказе – бунинская. Мне, например, очень нравится такой кусочек:

«Я знал, что тетя Настя обязательно зайдет к нам, когда узнает, что я приехал. Зайдет и начнет выспрашивать у меня, как я живу, как учусь и понимает ли меня моя жена. И при этом она будет вздыхать, скрестив руки на груди и чуть-чуть покачивая головой. Потом начнет рассказывать про свою дочь Лиду, рассказывать с грустью, печальным голосом, словно жизнь дочери сложилась неудачно. Но я-то знал, что Лида живет хорошо, работает учительницей в одной из деревень района. У нее двое детей и спокойный молчаливый муж.

Но тетя Настя твердо уверена, что Лида могла быть счастлива только со мной, а раз ничего не получилось, значит, и жизнь у нас должна быть несчастливой. Я чувствовал, что и мне она не верит, когда я рассказываю о своей семейной жизни».

Деревенская жизнь и вообще психология деревни требуют особого понимания.

И, между прочим, несколько не кажется чрезмерно сентиментальной сцена с молодой осинкой. Эта сцена символична – означает нерушимую связь с малой родиной.

Из последних рассказов: «Первая любовь – первый срок».

Герой этого рассказа свой лагерный срок получил из-за любви. Глупая ревность, глупая драка. А вообще-то этот рассказ об извечном поиске идеала, которого, может быть, и нет. У Алешкина почти в каждом произведении – сожаление. Сожаление о какой-то иной жизни, о неудавшейся любви. Сожаление к человеческой подлости и низости.

Глубина постижения времени и вечности доказывается и проверяется поведением художника – его книгами, словом, гражданской позицией. Писатель, как и прочие люди, подвергается проверке на человечность, на подлинность социального и гуманного самосознания. В такие минуты происходит или утверждение, победа духа или разрушение его. Петр Алешкин по своему духовному самосознанию – утверждатель добра.

Невыносимо трогателен рассказ «Скоро свидимся». Когда я его впервые прочитал, слезы навернулись.

Это снова о трагической невозможности изменить свой путь, свою жизнь. Всю эту свою жизнь человек любит женщину, с которой соединиться не может. Уже и дети пошли, и внуки, а любовь живет, не гаснет.

«Когда их дети и внуки помянули родных, по традиции покатали на их могилах яйца и разбрелись по кладбищу, ушли к могилам друзей и дальних родственников, они остались с Марусей вдвоем. Старик сказал ей тихо, указывая на край оградки возле холмика могилы ее мужа:

– Ты, должно, тут ляжешь?

– Тута, больше негде...

– А я здесь, – указал старик на место рядом, только по другую сторону оградки. – Выходит мы хоть тут будем лежать рядышком... неразлучны...

– Ох, дед, ты опять за свое, опять вспомнил? – засмеялась она, и почудились нотки, которые он слышал в ее смехе той лунной весенней ночью больше шестидесяти лет назад.

Я не забывал никогда! – ответил он и добавил с тоской:

– Пропала жизнь!

– Чей-то пропала? Дети, вон, смотри какие у нас хорошие... Вырастили... Внуков повидали, понянчили... А ты говоришь, пропала...

Сказала и заплакала вдруг горько, неостановимо, так, что ему пришлось успокаивать ее, прижимая к своей груди и поглаживая по худой сутулой спине».

У каждого человека есть, пожалуй, ощущение вины за какие-то совершенные в жизни поступки. Даже не вины, а скорее стыда. Рассказ «Прости, брат!» – об этом. Петр, вернувшись из армии, переживающий время до поступления в институт, и весьма скептически относящийся к женщинам; его брат Валера – более духовно чистый человек (образ, впрочем, не очень очерчен); практикантка-учительница Валентина.

Только спустя годы оценит искреннюю любовь Валентины к нему Петр. То, что далось ему в руки просто, могло бы составить счастье его брату. От Валентины, правда, ничего не убыло – замужем, все хорошо. Собственно, и трагедии никакой нет. Разошлись по своим дорогам.

Но здесь опять звучит мелодия другой жизни. Все могло бы случиться не так. И невысказанное: а счастливо ли будет это не так?

Хорошо, что в рассказе нет никакого морализаторства. В основном он построен на эмоциях. Вторым планом проходит деревенская жизнь, и на этом фоне острота морального звучания еще сильнее.

Рассказ «Ада» – о разочаровании в любви. Женщины имеют только одно средство делать нас счастливыми и тридцать тысяч средств – составлять наше несчастье.

Молоденький солдатик влюбляется в капитанскую дочку, но в отличии от пушкинской Маши Мироновой она оказывается с двойным дном. Говоря с нашим героем о стихах и целомудренно гуляя с ним во ржи, она тем временем озверело трахается с полуграмотным сержантом, да и, похоже, не только с ним. Очень ярко, с мужским вкусом, выписан образ Ады. Сильно польхает авторским осуждением, а его-то как раз, может быть, и не нужно. Рассказ только бы выиграл. Мало ли что, может она нимфоманка. Встречались мне такие. И неплохие они девушки, в общем-то, были.

Ну а говоря в целом, прозе П. Алешкина свойственна особая плотность художественной ткани. Иногда в ней чувствуется некоторая перенапряженность. Писатель рисует самую обычную реальность, но вносит в свой рисунок присущее ему ощущение объема, захватывающее и бытовую историю, и некое мыслимое, протекающее в неведомом будущем ее продолжение. Особая смысловая нагрузка, ложащаяся на образы его прозы, временами ощущается как избыточный вес. Герои П. Алешкина не просто живут, как это свойственно людям, а, так сказать, совершают жизнь. Это издержки творческого метода писателя, стремящегося предельно насытить образ мыслью и чувством, придать ему глубокий и неоспоримый смысл духовного события среди случайностей жизни.

Искусство Алешкина в том и заключается, что конкретное изображение жизни, эпизоды повествования, сменяющие друг друга, всегда представляют собой у него скрытую в этом изображении внутреннюю систему экспрессивных, эмоционально-смысловых оттенков, воплощающих в себе движение идеи произведения. В каждом своем элементе эта художественная система лишена случайностей, и самой логикой развития внутренней формы (связей, сцеплений, разработки чувства) приводит читателя именно к такому восприятию, к такому переживанию высказанного в этой форме авторского чувства, которых и хотелось добиться автору.

Роман «Заросли». Снова тема ухода, тема другой жизни.

«Книги Ванек читать любил, но ни в одной из них не встретил такой деревенской жизни, какую видел вокруг себя, какой жил сам. Где-то была иная, радостная жизнь без больших забот и тревог. На родной земле ее не было, а познать хотелось».

Ваня Егоркин, деревенский парень, которому год до армии, едет в Москву, где учится его сестра, и поступает рабочим на машиностроительный завод. Живет в общежитии, где народ разный – Ванек и в конфликт в первый день вступает.

С непривычки работа на конвейере тяжела, и даже очень.

Правда, есть и свои маленькие радости. «Ванек ополоснулся в душевой и, чувствуя во всем теле приятное томление, поднялся на второй этаж. Ему понравилось мыться после работы. Входишь в душевую усталый, раздеваешься медленно, рассеянно слушая, как переговариваются рабочие. Постоишь под сильными струями прохладной воды. потом вымоешься, и приятно так становится. Ноги расслабляются. Руки отдыхают. Хорошо! Не то что в деревне в корыте мыться. В Масловке, да и во всех деревнях вокруг, не строили бань. Общие, колхозные, были только в крупных селах, и мылись ее жители в обыкновенных корытах».

В-общем, понятно, что у Ванька за плечами. Вскоре он привыкает к заводской жизни. Даже вносит рацпредложение, становится молодежным активистом. Отражена в романе и роль комсомола в совершенно ненужном эпизоде: игры в волейбол. Схематично? Да. Но вспомним, когда это писалось. И даже в ту пору прорывается вдруг такое:

«Ни театры, ни музеи, ни дворцы никого в город не сманивали. Вранье! А кино и телевизор и в деревне такие же кино и телевизор. И бесхозяйственность деревенская, как говорят некоторые, ни при чем. Бесхозяйственность в деревне появилась, когда хозяева в город удрали. Да и столкнуться нужно прежде с бесхозяйственностью, а потом уж бежать от нее. Не здесь собака зарыта. Не здесь. Главное ведь то, что мы еще мальцами мечтали о городе, еще мальцами нас от деревни отрезали. Не могло же вдруг все поколение, как чумой, городом заразиться. Отцы, деды жили в деревне, не в сладкие годы жили и не тяготились, не тянуло

их в неведомые дали. Конечно, и среди них были те, кто покидал деревню, уезжал за счастьем в город. Но массового бегства не было. Что же случилось? Кому это было нужно – деревню оголить? Не могло же это случиться ни с того, ни с сего. Вспомнилось, как учительница литературы, которая все случаи жизни объясняла словами Маяковского, говорила, когда сталкивалась с чем-то непонятным: если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно. Нужно было кому-то выдернуть нас из деревни, разметать по земле, лишить корней».

Это писалось, когда такие вопросы открыто не ставились. В. Распутин и В. Белов рассказывали о прошлом деревни, но не о ее настоящем. Алешкин заговорил о теперешней деревне. Замечателен монолог дяди Ваньки в романе.

Итак, живет Иван Егоркин, работает на заводе. Появляется у него и городская любовь – хорошая заводская девчонка Галя Лазарева, чей брат Алешка, спортсмен-гонщик, становится одним из главных персонажей романа.

Ивана Егоркина призывают в армию. И здесь я вижу уже совершенно другой алешкинский текст, совсем не похожий на его деревенские рассказы. Перед нами строгая и совершенная гармония частей и целого, отдельной художественной детали и сложно организованной общей динамической постройки. Звучит новый язык прозы – и не в характерности, не в сюжетности, свойственной ранним вещам писателя, эта новизна, а в сдержанности слова, в повышенной смысловой нагрузке на каждое слово, его повышенной грузоподъемности. Фраза может быть в два-три слова, и ощущаешь ее завершенность, смысловую и образную. Образ не стремится возобладать над впечатлениями читателя и – врезается в сознание.

«Шли молча. Егоркин не чувствовал тяжести вещмешка, автомата. Что-то подобное он видел в американских фильмах, но то было кино, трюки, а здесь в вертолете были его товарищи. молодые ребята, которые полчаса назад вместе с ним слушали песни... Кто мне сказал, что надежды потеряны? Кто это выдумал, друг? Сейчас шарахнут из-за камней, и нет Егоркина, пронеслось в голове. Иван почувствовал, как липкой стала спина под вещмешком. Он всматривался в камни, нет ли там какого движения. Засада скорее всего могла быть там. Но наверху было тихо. Скучно синело апрельское небо, плавилось, калило камни жаркое солнце. Воздух был насыщен запахом горного тюльпана. Цветов возле тропы не видно: только осыпавшиеся сверху мелкие камни да валуны. Тропа петляла меж больших глыб камней, мимо отвесной скалы, в одном месте шла по узкому уступу над пропастью... Перед глазами Ивана мерно колыбался вещмешок сержанта, идущего впереди. Слышалось шуршание камней под ногами да тяжелое дыхание солдат. Воздуха не хватало, и хотелось вдохнуть как можно больше, остановиться хоть на мгновение, отдышаться. По лбу и вискам Ивана из-под панамы ползли струйки пота. Хотелось пить. Плечи и спина ныли. Теперь он лишь изредка поднимал голову, смотрел вверх».

Иван тяжело ранен в Афганистане. В ташкентский госпиталь к нему приезжает чуть было не соблазненная московским ловеласом Галя.

Они женятся, обрастают знакомствами. Не стоит перечислять здесь эпизоды сюжета – кому интересно, сам прочитает. Но хотелось бы еще показать языковую ткань романа. Вот как, например, Алешкин пишет о железе:

«Он пробрался вдоль щита ко второму ряду и сразу же узнал Иру, хотя она стояла у станка спиной к нему. Руками в рукавицах она поддерживала железную пластину, лежавшую под прессом. Пресс со злобным шипением ухнул сверху на пластину, стукнул, отрубил и, довольный, поднялся на свое место. Ира сбросила отштампованный стакан в ящик, передвинула пластину дальше под пресс и нажала ногой на педаль. Пресс снова яростно бросился на пластину».

Или совершенно прекрасное изображение пьяного:

«От этой кучки людей навстречу Роману бежал пьяный мужик в мятом, бывшем когда-то черном пиджаке. Брюки его, такого же грязно-серого цвета, были в пыли. Должно быть, он только что валялся на земле. Мужик бежал согнувшись и руки со сцепленными пальцами

держал на затылке, словно ожидал каждую секунду, что его будут бить по голове, и защищал ее руками. Бежал он тяжело, едва удерживаясь, чтобы не упасть. Лица его не было видно, смотрел он в землю. За ним никто не бежал, да и внимания на него никто не обращал, кроме Романа».

Помню, читал, как Чехов с Буниным соревновались в подборе художественной детали. Один придумывал, как идет поезд, а другой – как девушка выплескивает остатки чая в окно, и чайники и капли залетают в соседнее открытое окно.

Думаю, в этой компании соревнователей Алешкин пришелся бы к месту.

Когда же действие романа происходит в Масловке, местные слова, употребляемые с тонким умением и безошибочным вкусом, сообщают прозе Петра Алешкина исключительную земную прелесть и как бы ограждают их от «литературы» – от сочинительства, лишённого горячей крови живого родного языка.

«– Хорошая хозяйка! – говорил дядя Ванька. – Молодец, Ванек! Так надо! А тутошняя твоя невеста Валька Пискарева – черт! Пьеть!

– Как?! – удивился Егоркин.

– Страсть как! Мать-то ее самогон гонить... Каждый день на столе... Зятек, друг твой Петька, нахлещется, и она подрядок с ним... Слышь, кума, – повернулся дядя Ванька к сестре, смеясь. – Вчерась иду я с коровника. Темно уже, а они нажрались и песняка на крыльце режут!.. – Дядя Ванька снова повернулся к Ивану. – Из доярок Вальку поперли... Напились, коровы орут недоенные... А у Петьки права отобрали и машину тоже... Теперь праздник у них. Каждый день праздник... А Петькина мать-то совсем спилась. Все. Пропала!.. Зимой Васька выкинул ее голую в снег, пусть замерзает!..

– Голую! – воскликнул удивленно Иван.

– Без ничего!.. И замерзла б, да бабы увидали, сжалились, в шубу завернули да на печку к Катьке, соседке, унесли. А то б тама была, – дядя Ванька указал на пол. – А в субботу, вот в эту, прошла которая, дочь Федьки Чекмарева из интерната приехала, пузырек привезла. А Федька думал – дикалон, выхлестал и поехал на тракторе, а из него пена поперла, в пузырьке не дикалон был, шампунь. Высунулся он из кабины, трактор идет, гусеница вся в пене. Не приведи, господь!

– А дядя Вася Чекмарев, брат его, отчего умер? Он вроде был здоровый, молодой... Обпился, что ль?

– А то чего жа!.. Каждый божий день пил... Нахлестался, как всегда, и дома на печку, а утром жена глянула – у него лапша из носу торчит. Захлебнулся! Отправили на Киселевский бугор. Страсть, что творится! Двора нет, где б от этого горя не плакали, – указал дядя Ванька на бутылку водки, которую мать поставила на стол. – Нашествие какое-то! Нашествие на Русь! Сроду такого не было... Говорят, испокон века на Руси пьют, но на моем веку такого не было. Нет, упаси Бог, не было!

– Врут, дядь ванька, не было пьянства на Руси! – сказал Иван. – Я читал, водка у нас в шестнадцатом веке появилась, при Иване Грозном. А до этого шестнадцать веков ее не видели у нас. Вино только князьям привозили. Дорогое для народы было. Медовуху пили да брагу, да и то по праздникам... В будни работать надо было!..

– Медовуху я пил, – одобрительно кивнул дядя Ванька. – С медовухи дураком не станешь!.. А счас все пьют: дикалон – эт конфетка! Зубную пасту пьют, сапожный крем, уж дихлофос наловчились жрать... А за водку все пропивают! Напрочь! Пшеницу в уборочную машинами спускали! Кому надо, с головой зерном огрузились... И никому дела нет! В войну за горсть зерна в тюрьму сажали, а счас...»

Понимаешь, что иногда Алешкин вкладывает в уста героев свои мысли. Я лично впервые сталкиваюсь с таким отношением к спорту. Но, может быть, это отношение и есть самое верное? Один из рабочих говорит:

«В каждой газете пишут о спорте, как какой-нибудь Вася пробежал быстрее Вани километр. Шум вокруг этого Васи: квартиру Васе, какую пожелает, машину Васе, все блага для Васи, а через неделю Петя на секунду быстрее Васи пробежал, и все забыли о Васе... Был такой футболист Колотов лет восемь назад, я в газете читал – он сразу в трех городах квартиры имел, кажется, в Казани, в Киеве и в Москве, а в это время писатель Шукшин прописаться в Москве десять лет не мог, конуры задрипанной получить не мог. А кто сейчас помнит Колотова, кроме его друзей-футболистов, а Шукшина вся страна знает и будет знать всегда...»

В романе чередуются эпизоды жизни Ивана Егоркина с Галей, спортивные будни Алеши, катящаяся под уклон жизнь Романа. Довольно ярко выписан образ фарцовщика и спекулянта Бориса. Из таких потом получились чубайсы и березовские.

Ради комнаты Галя устраивается работать в жэк техником-смотрителем. Это, пожалуй, самые живые страницы в романе. Интересно, сочно, с трагическим юмором рассказано как они с Иваном обходят квартиры неплательщиков. Облупленный пятиэтажный дом являет собой как бы раздрызганную пьяную Россию. Так и хочется навести в нем порядок, все прибрать, вычистить, отмыть от Федек-обсевок.

Поскольку автор писал роман десять лет, интересно следить, как в сюжетных линиях проявляется «оттаивание» времени. Так, на страницах появляются ресторанные проститутки и даже начальник-гомосексуалист. Это в линии Романа Палубина. В линии Алеши интересен мир спорта: психологически увлекательно поданы автором отношения внутри команды, характеры.

Иван Егоркин, защищая жену от наркоманов, увечит двоих. Они оказываются сыновьями могущественных торгашей. Свидетель подкуплен, судья тоже. Егоркина осуждают на три года. Но все кончается хорошо и с явно ощутимой надеждой, которую рождал у автора, видимо, 1988 год, когда роман был закончен.

Мне очень нравится линия младшей Галиной сестры Наташи и ее друзей. Это уже новое поколение, более умное и толковое. Эти ребята начинают практическую работу по оздоровлению общества, и верится, что у них получится, что за ними будущее.

Один из персонажей романа рассуждает так:

«Мы говорим, человек рожден для счастья, но не догадываемся, что жизнь наша – блуждание в зарослях в поисках дороги к счастью. Никто не знает, в какой стороне эта дорога. И кружим мы в зарослях, блуждаем, ветки хлещут по лицу, падаем, набиваем синяки да шишки... Выбрались на тропинку, широкая, много людей протопало по ней. Радуемся – на верном пути, вот-вот выберемся на дорогу, большую дорогу к счастью. Торопимся, бежим, спотыкаемся, а тропинка все уже, все неприметней, глядишь и исчезла. И опять вокруг одни заросли. И снова кружим, кружим, кружим...»

Но хотелось бы напомнить писателю Алешкину забавные слова Г. Лессинга – «Главная причина нашего недовольства жизнью есть ни на чем не основанное предположение, что мы имеем право на ничем не нарушаемое счастье, что мы рождены для такого счастья.»

Конечно, биографию писателя нельзя механически соотносить с его творчеством. Но по прочтении романа видно, насколько сам автор человек образованный, и не по формальному признаку. Он обладает широтой и универсальностью познания жизни.

Художественная ткань романа состоит из различных пластов эмоционально-смыслового содержания, находящихся в сложных отношениях друг с другом. Они обладают своим выразительным значением, своей внутренней законченностью и логикой, но живут и воспринимаются нами в определенных функциональных связях с другими такими же одновременно с ними разрабатываемыми эмоционально-образными системами, в каждом моменте своего развития подчиняясь общему движению замысла.

Как я понимаю, особенно привлекают читателей в прозе Петра Алешкина его обобщения, его желание понять и представить весь человеческий мир, дойти по звеньями цепи от человека к людям. Он – писатель философского склада.

Роман «Время великой скорби» – книга долговечная. Она вызовет в будущем еще много размышлений и толкований. Студенты-историки, например, уже приняли ее к сведению, как самое яркое отражение поры крестьянских бунтов против большевизма.

Работая над романом, Петр Алешкин ставил и разгадывал те большие вопросы жизни деревни, страны и народа, которые не решены и поныне.

В январе 1989 года, на Рождество, один восьмидесятивосьмилетний старик зарезал другого. Казалось бы, обычная бытовуха. Поспорили по пьянке. Так и думал вначале молодой следователь. Но все оказалось сложнее. История эта своим началом уходила далеко, в 1917 год.

Впервые Егор Антошкин и Мишка Чиркунов, или по-уличному Чиркун, столкнулись на деревенских посиделках. Мишка был старше на два года, уже побывал в армии, но дезертировал оттуда. «Как царя спихнули, мерекаю, за кого мне теперь кровя лить?» – так рассуждает он. Вот портрет этого антигероя: «Вошел – шапка на затылке, усы вздернуты, рот в ухмылке, глаза взгальные... Разделся, кинул шапку и полушубок в кучу на сундук, пригладил ладонью черные, сухие и короткие волосы на удивительно маленькой голове. Длинноногий, широкий в костлявой груди, поджарый, большеротый, с близкопосаженными глазами, озорной, подвижный, как на шарнирах весь». Образ взят непосредственно из жизни; я лично таких людей повидал много, и характер их представляю.

Очень нравится Егору поповская дочка Настенька. Но уже положил на нее глаз Мишка Чиркун. Вовремя поспел Егор к риге, когда хмельной Мишка тащил упирающуюся Настю по снегу.

Следующая их встреча в 20-м году. Красноармеец Егор приезжает в деревню на побывку, и как раз в это время туда нагрянул продотряд комиссара Марголина, в котором и Мишка Чиркун. Словно Мамай проходит по деревне, отбирают все дочиста. Убивают председателя сельсовета. Вместо него Марголин назначает Мишку Чиркуна.

Очень экспрессивны эти сцены: унижение крестьян циничным Марголиным и его сворой, ощущение приближающейся еще большей беды. Не за такую власть воевал с белыми Егор.

Отец говорит ему:

– Ты отстал... оборкаться не успел, да и не к чему, тут без тебя жизнь кутыркнулась, раздрызганная стала, все, как слепые посеред леса, один туды тянет, другой сюды. Никто не знает, где дорога, а все указывают. Иной, скороземельный, таким соловьем поет, точно, мол, знает, за каким бугром рай, заслушаешься, бегом бежать следом охота, а приглядишься...

Отец Егора с мужиками принимают резолюцию о жестокости власти, о том, как им видится настоящая крестьянская жизнь. Отца арестовывают и везут в волость. По дороге Мишка Чиркун его застреливает, якобы при попытке к бегству. Не может он забыть, как отец Егора, будучи старостой села, отправил его, дезертира, на фронт.

После ранения Егор возвращается в родное село уже навсегда. Вернулся с гражданской войны и старший брат Егора Николай, заместивший в хозяйстве отца.

Хорошо выписан Алешкиным неторопливый, выверенный веками уклад русской крестьянской жизни. Но невесело нынче в деревне. Новая власть норовит содрать семь шкур с мужика.

Выступает очередной приехавший с отрядом комиссар:

– Настанет коммунизм, и несметные богатства хлынут к нам с окраин страны. Ленин говорил, что товарищи Луначарский и Рыков побывали на Украине и Северном Кавказе и рассказали ему, что на Украине кормят пшеницей свиней, а бабы на Северном Кавказе моют молоко посуду. Понимаете, девать еду некуда, когда другие голодают. И у вас – я ехал сюда, видел –

хлеба уродились в этом году... Потому и планом наметили взять с Тамбовской губернии одиннадцать с половиной миллионов пудов хлеба...

– Сколько?! – раздались ошеломленные голоса.

– Очумели? Где мы возьмем?

– С голодухи подохнем!

– Товарищи, товарищи, разве это много? В прошлом году у вас взяли двенадцать с лишним миллионов пудов, живы остались!

Приезжающие комиссары в крестьянском труде, как правило, ничего не понимают. Они не знают, каким потом добывается этот хлеб.

Новый приехавший комиссар из-за ранения ослеп, но долг превыше всего, и он агитирует мужиков, как может. Мужики даже рады его приезду, поскольку привезли брошюры и газеты – хоть наконец-то покурить можно будет.

– О чем он? – спросил, подойдя к толпе Антошкин.

– О польском хронте, – ответил Аким, с удовольствием, даже с каким-то блаженным выражением на лице скручивая сигарку из клочка новой газеты. – Комиссар из Москвы только, с совещания деревенских агитаторов. Грить, Ленина видал своими глазами...

– Так он же слепой.

– Грить, видал.

Воистину символическим и страшным кажется эпизод, когда слепой комиссар, наткнувшись на коляску с ребенком-уродцем, разражается патетической тирадой:

– Какой прелестный, милый ребенок! – воскликнул слепой комиссар, поднимаясь с корточек. – Какая, наверно, у него счастливая мать! Вот, товарищи, – указал он на уродца, – будущее Советской страны! ради него мы и кладем свои жизни, ради него и проливаем свою кровь. И я уверен, что будущее будет таким же прекрасным, как этот ребенок! а строить это будущее нам с вами! – Слепой комиссар, чувствуя, что кто-то рядом с ним дышит громко, сопит, слушает внимательно, протянул руку, коснулся тугого плеча Коли Большого, деревенского дурачка, нащупал заплату на рубахе из грубого холста и приобнял его за плечо, продолжая говорить: – а вот главная опора Советской власти! Вот на таких крепких бедняцких плечах мы и придем к светлому будущему, к коммунизму...

Это очень страшная, надрывная книга. Нельзя без содрогания читать сцены, когда пьяные продотрядовцы измываются над деревенским священником, насилуют его дочь Настю.

Мужикам невозможно далее терпеть эти издевательства, но бунт тут же пресекается. Марголин жесток. «Арестованных мужиков загоняли в сарай. Отец Трофима Булыгина, седой, косматый старик с густой бородой, обхватил вялый труп сына темными в черных трещинах руками и, тужась, тащил от сарая мимо сгрудившихся в кучу красноармейцев. Тащил молча, немо раскрыв волосатый рот, а из глаз по морщинистым щекам, по седой бороде обильно текли слезы и падали на грудь, на рубашку. Босые белые ноги Трофима волочились по траве, царапали пальцами землю. Страшно было смотреть на седого старика, и Егор отвернулся, увидел, как билась на земле, выла, ползала на коленях за пятившимся Марголиным старуха в ветхой застиранной юбке со многими заплатами, в худых лаптях. Она поймала, обхватила ногу Марголина, прижалась щекой к его пыльному сапогу, выла, визжала истошно:

– Сыночек, помилуй!.. Пощади, сыночек! Где же я стока денег возьму? Сроду у нас стока не было... Пощади!»

Крестьян спасает нагрянувший отряд Антонова. Для советской власти это банда. Для крестьян – заступники.

Вот как рисует Алешкин портрет начальника отряда:

«Встретишь такого в деревне и признаешь в нем сельского учителя, подумаешь, что крестьяне в свободную минутку или праздники, должно быть, приходят к нему посидеть, погутарить, обсудить последние новости из губернии, посоветоваться и всегда находят совет и под-

держку: знает он, что нужен мужикам, знает себе цену, поэтому и держится с достоинством, но вместе с тем, не гонористо, уважительно к мужикам, к их нуждам».

Дороги братьев Антошкиных расходятся: Николай уходит с Антоновым, а Егора призывают служить в карательном отряде ЧК.

Нелегкой была эта служба. «По крайней мере, когда он потом слышал слово ад, перед ним вставал день второго октября 1920 года, проведенный в селе Коптево... Нет, он не помнит четко шаг за шагом, как прошел этот день. Он вспоминается как единая картина: мечущиеся в дыму остервенелые, ошалевшие люди, дикие вопли, визги детей, баб, закалываемых свиней, истощный вой недобитых собак, крики кур, гогот лошадей, хлопки выстрелов, гул и треск жарко горевших изб. Кажется, все небо потемнело, сумерки пали на землю от галок соломенного пепла. И кровь, кровь, кровь! Вот память выхватывает из глубины четкую картину: седой дед с редкой бородой, в серой длинной, чуть ли не до колен, рубахе вывернулся откуда-то из-за сарая, ловко насадил на вилы бойца Антошкина эскадрона, который, сидя на коне, чиркал спичкой у низенькой соломенной крыши избенки, насадил на вилы и зачем-то пытался выковырнуть из седла обмякшее вялое тело красноармейца, уронившего коробок со спичками на землю. Но сил выковырнуть из седла у деда не было. Другой боец почти в упор выстрелил в него, и дед выпустил из рук вилы, согнулся пополам и ткнулся седой головой в навоз рядом с коробком спичек. А вот Мишка Чиркунов верхом на коне скаля зубы, весело гонит босого парня лет шестнадцати. Парень мелькает пятками, а Мишка догонит его, сплеча огреет плеткой, приотстанет, догонит – хлестнет – приотстанет...»

И Егор со своим эскадроном переходит к Антонову.

В герое романа писатель попытался изобразить своего деда по матери Чистякова Алексея Константиновича. Человек это был незаурядный. Сам Алешкин его никогда не видел, но наслышан был много. В Масловке Чистякова до сих пор вспоминают. Был он начальником штаба Союза трудового крестьянства у Антонова.

В отличие от комиссаров, антоновские идеологи говорят о конкретном и понятном. Вот председатель Союза трудового крестьянства Плужников выступает перед мужиками:

– Большевики обманывали народ, а он им поверил. Поверил потому, что при царе натерпелся горя и нужды, и теперь ухватился за сказку большевиков, суливших ему счастье и радости. Народ пошел за ними в обещанный рай, называемый коммунизмом. И когда собственными глазами увидел этот рай, когда на себе самом испытал счастливую жизнь в этом раю, тогда убедился, что его жестоко обманули: при большевиках осталось все то, что его давило и угнетало раньше, что теперь все это угнетает и давит еще сильнее, что большевистский режим хуже, тяжелее, невыносимее старого режима. При большевиках над всякой личностью возможно насилие, потому что где большевики, там и насилия, самые грубые, самые безобразные. Не только лишают свободы, мучают, издеваются над людьми, избивают почти на каждом шагу, убивают стариков, взрослых людей, насилюют женщин... Да, русский народ вынослив и терпелив. Вынесет все, что Господь ни пошлет! Но всякому терпению бывает конец. Терпел народ татарщину, а в конце концов свергнул. Терпел крепостное право, но не раз поднимал восстания, пока не освободился. Свергнет народ старый режим, свергнет и новый, большевистский!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.